

Оно находило их слишком шумными. Ему хотелось просто посмотреть на своего маленького партнёра, и, хотя он знал, что эти внутренние голоса не слышны снаружи, он всё равно напрягся, когда человек под одеялом перевернулся. Молодое щупальце, подобно стыдливой мимозе, слегка сжалось на кончике.

Его не разбудили.

Человек, перевернувшись во сне на спину, наконец, позволил рассмотреть своё лицо. Он был ещё прекраснее, чем на искажённой фотографии. В летнюю ночь стояла духота, и прохладу приносил лишь скрипучий потолочный вентилятор, но после отключения электричества, даже несмотря на прохладу от дождя, он по привычке спал, укрывшись одеялом. От духоты на лбу выступила испарина, белоснежное лицо порозовело, а губы приоткрылись в крошечной щели, скрывая алый кончик языка. Каждый выдох был пропитан сладким, тягучим ароматом. Ноги беспокойно высунулись из-под одеяла.

Щупальца, заполнившие всю комнату, пришли в беспокойное движение. Они больше не заслоняли лунный свет и, извиваясь, устремились к кровати. Молодое щупальце прекратило свои поглаживания. Им овладело любопытство. Поколебавшись мгновение, оно придвинулось ближе к спящему лицу. С железного каркаса кровати закапала вязкая слизь, её звук смешался с шумом ночного дождя.

Щупальце на мгновение замерло, затем сжалось ещё сильнее, и его кончик осторожно коснулся губ человека. Там, на верхней губе, была крошечная, изящная родинка, похожая на ягоду. Мягкое, тёплое прикосновение пронзило его нервные окончания, и щупальце резко отдёрнулось.

Но маленький партнёр, словно почувствовав дискомфорт, бессознательно облизнул губы. И без того полные, они покрылись влажным, прозрачным блеском, а мокрый кончик языка, мелькнув на секунду, тут же скрылся в горячем рту.

Ему отчаянно хотелось увидеть больше.

Щупальце, сжавшееся до размера двух человеческих пальцев, воспользовалось моментом, пока губы не сомкнулись вновь, и, раздвинув зубы, осторожно проникло внутрь. Оно содрогнулось. Внутри было влажно и горячо, теплее, чем в гнезде, где оно родилось. Щупальце ощутило небывалое умиротворение.

Почувствовав вторжение, язык инстинктивно попытался вытолкнуть чужака. Однако, когда гладкий кончик языка коснулся шероховатой поверхности щупальца, человек нахмурил свои изящные брови и попытался отстраниться, но тут же был опутан в восторженном порыве.

«Бо... бо...»

Оно играло с его языком, обнаружив, что от каждого движения во рту, у основания щёк, выделяется ещё больше прозрачной слюны. Именно оттуда исходил сладкий аромат. Осознав это, присоски на кончике щупальца возбуждённо сократились, переходя в режим охоты.

— У-у-у... — стон был едва отличим от тихого кошачьего мяуканья. — Уходи... — пробормотал он, словно в кошмаре.

Щупальце плотно впилося в его беззащитный язык. Как бы Шуй Цюэ ни мотал головой, он не мог освободиться. Слюна переливалась через край припухших губ и стекала по подбородку. Другие щупальца, не в силах больше сдерживаться, обвилились вокруг кровати, подставив себя под подбородок и шею человека, словно чаши, собирающие драгоценную влагу.

Оно слышало хаотичные внутренние голоса, кто-то его ругал. А кто-то строгим тоном увещевал: «Убао, так нельзя».

Убао — так называли его люди. Оно родилось в морских глубинах, без имени и рода, и лишь скиталось по океану.

Они запрещали ему это делать, но оно видело их воспоминания. Эти двое людей поступали точно так же. Они говорили его маленькому партнёру: «Малыш, открой ротик». А когда тот доверчиво открывал губы, они жадно целовали его, исследуя языком всё — от маленькой родинки на губе до розовой поверхности языка и внутренней стороны щёк. Они держали его лицо в ладонях и проникали до самого корня языка. Они целовали его так, что он выглядел жалким и беспомощным. Уголки его глаз краснели, слёзы смешивались с капельками слюны на подбородке, поясница дрожала, а пальцы ног, как и сейчас, теряли опору, и стопа выгибалась дугой.

«Бо... бо...»

Щупальце выскользнуло наружу. В лунном свете блеснула серебристая нить, повисшая на тёмно-красном, шероховатом кончике.

Железная кровать была старой, зелёная краска облупилась и осыпалась мелкими чешуйками от любого прикосновения. Деревянные доски настила тоже потрескались. Любое движение — поворот, попытка сесть или слезть с кровати — сопровождалось громким скрипом.

— Шуй Цюэ? — Юань Юй, ухватившись за перекладину, спустился с верхнего яруса.

Он проснулся среди ночи от духоты, и тут же услышал странный звук — чьё-то сдавленное, едва слышное всхлипывание. Он слез с кровати, чтобы проверить.

Окно было по-прежнему плотно закрыто. Видимо, электричество дали — потолочный вентилятор лениво вращался. Свет в общежитии включался и выключался централизованно,

так что в комнате всё ещё было темно. Всё выглядело так же, как и перед сном.

Юань Юй нахмурился. Он приподнял уголок одеяла, открывая лицо, которое раньше было скрыто. Шуй Цюэ, полусонный, открыл глаза. Его ресницы слиплись от влаги. В темноте он ничего не видел и, попытавшись что-то сказать, вздрогнул от странного ощущения во рту — губы и язык онемели и даже покалывали.

Юань Юй помог ему сесть.

— Что случилось? Приснился кошмар? — спросил он. — Я слышал, как ты плакал.

Подушка была мокрой, а наволочка смялась. Тёмное пятно на ней говорило о том, что она насквозь пропиталась влагой. Слишком много воды.

Взгляд Юань Юя стал тревожным, брови сошлись на переносице.

Шуй Цюэ вцепился в его рубашку, а другой рукой коснулся своих губ.

— Мне приснилось... что что-то кусало меня за губы.

Ему было неловко говорить об этом. Ощущения во рту были такими, словно его долго и настойчиво целовали.

Рука Юань Юя скользнула к краю подушки, и он вытащил из-под неё мокрую фотографию. Он видел этот снимок раньше. Его брат всегда брал его с собой в море, носил в нагрудном кармане, у самого сердца.

Юань Юй взял Шуй Цюэ за подбородок и, формируя губами нужную форму, сказал:

— Открой рот, скажи «а-а-а». Я посмотрю.

Губы были опухшими, словно готовые лопнуть, а язык внутри — воспалённо-красным. Юань Юй отпустил его и показал фотографию.

— Это ты принёс? — поскольку Шуй Цюэ не мог видеть, ему пришлось описать снимок. — Цветная фотография, три на четыре дюйма, сделана в фотостудии на улице Улун в Киото. Ты и мой брат.

Шуй Цюэ понятия не имел об этой фотографии, и система «Бесконечной игры» тоже ничего ему не сообщала. Его лицо выражало полное недоумение, и Юань Юй уловил это.

Опустив веки, Юань Юй снял со своей шеи красный треугольный амулет для защиты от злых духов и надел его на Шуй Цюэ, спрятав красный шнурок под воротник.

— Здесь что-то нечисто, — сказал он. — Через пару дней я спрошу у старого жреца, сможет ли он провести для тебя обряд очищения.

Порыв ветра ударил в окно, и Шуй Цюэ, испуганный среди ночи, содрогнулся от холода.

Гуань Ичжоу, потирая сонную голову, подошёл к ним.

— Что вы тут делаете?

Лунный свет упал на лицо Шуй Цюэ, и Гуань Ичжоу увидел его губы. Его взгляд мгновенно прояснился и остро метнулся в сторону Юань Юя.

***

На следующий день дождь прекратился. Небо было чистым и голубым, словно умытым.

— Здравствуйте...

Шуй Цюэ с тревогой стоял у входа в маяк, крепко сжимая трость. Он посторонился, давая смотрителю разглядеть группу людей за его спиной.

— Это мои друзья из Киото. Они приехали по обмену и хотели бы осмотреть самый известный маяк на острове. Можно?

Прошлая ночь выдалась бурной, и у смотрителя маяка прибавилось работы. Он не спал всю ночь, под глазами залегли тёмные круги, а подбородок покрылся короткой щетиной. Он окинул взглядом группу. Кажется, он припомнил, что они уже приходили, но в прошлый раз он их прогнал.

— Заходите, — его голос был ровным и безэмоциональным.

Се Хуахуан вошёл вторым, сразу за Шуй Цюэ.

— Беспokoим вас.

Скопа, сидевшая на деревянной жёрдочке в коридоре, дремала, опустив голову. На первом этаже стояли маслѐнки, керосиновые лампы и канистры. Вибрация дизельного генератора, казалось, не прекращалась ни на секунду и ощущалась в каждом уголке здания. Смотрителю

ещё предстояло днём чистить линзу Френеля в фонарной комнате, ремонтировать испаритель и устранять повреждения, оставленные штормом. У него не было времени водить их повсюду.

— Не трогайте оборудование на первом этаже, — сказал он посетителям. — В остальном — как хотите.

В прошлый раз Шуй Цюэ был только в жилой комнате на втором этаже и не поднимался выше. После короткого наставления смотритель перестал обращать на них внимание и направился наверх. Шуй Цюэ оказался в затруднительном положении: на лестнице не было перил, и ему приходилось идти, прижимаясь к стене, чтобы не оступиться.

Аттикус, который всю дорогу молчал, искоса поглядывал на Шуй Цюэ. Всё тот же белокожий, хрупкий на вид юноша, но откуда в нём столько силы, чтобы так ударить? В тот день он, конечно, наговорил лишнего. Ли Цзяньшань потом отчитал его. Он и сам всё понимал, но не любил, когда ему указывали. Однако, стоило ему приготовиться возразить Ли Цзяньшаню, как перед глазами всплыл образ Шуй Цюэ с покрасневшими уголками глаз и мокрыми щеками, и он так и не смог понять, были ли это слёзы или капли дождя. Вся его ревность и гнев в тот миг сменились суматошным смятением.

Увидев, что Шуй Цюэ застыл перед лестницей, он подошёл и довольно неловко спросил:

— Эм, может, тебя понести?

Шуй Цюэ не ответил. Он узнал голос Аттикуса, но удивился его внезапной любезности. Он не успел отреагировать. Аттикус, потеряв терпение, дёрнул его за рукав и, присев на корточки, сказал:

— Давай быстрее, жду пять секунд.

[Прогресс сюжета: Унизить главного героя на глазах у всех, приказать ему нести вас. (Ожидаемый прогресс после завершения: 53% → 58%)]

Шуй Цюэ не хотел, чтобы Аттикус его нёс. Кто знает, может, он только притворяется, а на самом деле хочет сбросить его с лестницы. Он собирался пойти сам, но теперь появилось задание.

— Не надо, — он отступил на шаг, отстраняясь от Аттикуса, и, поджав губы, громче сказал: — Чу Цзин-тин, быстро иди сюда! Не видишь, какая длинная лестница?

Чу Цзин-тин, замыкавший группу, с самого начала холодно наблюдал за происходящим. Внезапный окрик Шуй Цюэ и его властный тон мгновенно вернули его в воспоминания о первом подземелье. Раньше Шуй Цюэ точно так же надменно подзывал его, словно он был псом у его ног, которого можно было подзвать и прогнать по желанию.

Он молча подошёл и ровным голосом спросил:

— Лестница длинная, а ты ходить не умеешь?

Шуй Цюэ, вспомнив, что это уже не первое подземелье и у него нет рычагов давления на Чу Цзин-тина, испуганно втянул шею и неуверенно возразил:

— Тут даже перил нет... Ты что, хочешь, чтобы я упал и разбился?

Чу Цзин-тин скривил губы и холодно взглянул на Аттикуса.

— Не стой на дороге.

Аттикус смерил его яростным взглядом, но всё же отошёл в сторону. Чу Цзин-тин с явной неохотой присел на корточки перед Шуй Цюэ.

— Залезай.

[Умираю со смеху, блондинчик, вот тебе за то, что на моего малыша наезжал.]

[Даже в подлизы не годишься, у Шуй-Шуя и без тебя собак хватает.]

Шуй Цюэ забрался ему на спину и протянул вперёд трость.

— Держи хорошо. Уронишь — я тебе устрою.

«Се Цяня здесь нет, чем ты мне устроишь?» — хотел было возразить Чу Цзин-тин, но не захотел упоминать мертвеца. Он молча взял трость.

Шуй Цюэ облегчённо вздохнул. Его сердце всё ещё колотилось в груди. Он обсуждал это с Номером 77: почему главный герой в этом подземелье не стал одиночкой, как в оригинале, а присоединился к их команде? Из-за этого Шуй Цюэ не знал, как себя с ним вести, и боялся, что в следующую секунду тот с ним расправится.

Программа анализа сюжета Номера 77 выдала результат: продолжать придерживаться прежней тактики унижения главного героя. В конце концов, смысл существования его персонажа — унижать главного героя, быть обузой и в итоге быть брошенным товарищами на растерзание боссу. Присоединение главного героя к команде ничего не меняло. Программа даже советовала усилить унижения, чтобы гарантированно быть брошенным и достичь смертельного финала. Шуй Цюэ больше беспокоился, что если он будет так себя вести, главный герой просто убьёт его раньше времени. Ему казалось, что смерть будет ужасной...

Остальные последовали за ними наверх. Они прошли со второго этажа до самого верха, задерживаясь на каждом этаже. На самом деле, кроме жилой комнаты на втором и дежурки на третьем, остальные этажи были либо заброшены и покрыты паутиной, либо использовались как склады.

На верхнем этаже Се Хуахуан спросил смотрителя, протиравшего линзу:

— На какое расстояние светит этот фонарь?

— Двадцать четыре морские мили, — смотритель не отрывался от работы. — Три белые вспышки каждые пятнадцать секунд.

Се Хуахуан, делая вид, что они действительно приехали на экскурсию, записал это в свой кожаный блокнот. Он поправил очки.

— В дежурке внизу есть журнал регистрации судов. Каждое судно должно регистрироваться перед выходом в море?

Смотритель выпрямился и взглянул на Се Хуахуана так, словно тот задал невероятно глупый вопрос.

— Только большие суда кооператива, — сказал он. — Траулеры, грузовые суда и тому подобные.

Шуй Цюэ тихо лежал на спине Чу Цзин-тина. Он ничего не видел и не мог участвовать в разговоре, ему оставалось только ждать, пока все закончат осмотр.

Поскольку у смотрителя было много работы, они, осмотрев всё, не стали больше его беспокоить. Когда они выходили, скопа захлопала крыльями, будто хотела последовать за Шуй Цюэ.

— Назад, — сказал смотритель.

Скопа неохотно вернулась в маяк, и дверь закрылась.

— Есть какие-нибудь находки? — спросил Ли Цзяньшань. — В задании упоминался маяк, значит, это одно из ключевых мест.

Се Хуахуан упомянул журнал регистрации судов, который привлек его внимание.

— Под столом лежал старый журнал, десятилетней давности. Там было судно под названием «Цянь янь», у которого была дата выхода в море, но не было даты возвращения.

— Остров называется Цянь янь, судно — «Цянь янь», и название подземелья тоже Цянь янь, — подхватил Ли Цзяньшань. — Это же очевидная подсказка. Похоже, нам нужно это расследовать.

Аттикус заметил, что, хотя они уже вышли из маяка, Чу Цзин-тин всё ещё не спустил Шуй Цюэ со спины. Он раздражённо взъерошил волосы.

— И ещё. Я тут поспрашивал, через неделю будет фестиваль. На острове будет много мероприятий. Говорят, днём старый жрец будет проводить обряды на острове, а вечером все пойдут молиться в храм. Днём в храме никого не будет, мы можем воспользоваться этим моментом и пробраться туда.

Так, вероятно, и завершится первая часть основного задания.

***

В день фестиваля стояла ясная погода. Праздник начался с танца льва на берегу моря. Хотя Гуань Ичжоу уже три дня твердил ему, что он обязательно должен пойти, Шуй Цюэ подумал, что он всё равно ничего не увидит, и не сказал Гуань Ичжоу, что не собирается идти.

Он, как и договаривались, встретился с остальными в гостевом доме, а затем они отправились в храм. Как и ожидалось, большинство людей собралось на берегу моря, а на Западной горе было почти безлюдно.

В управлении храма не было старого жреца, и они без труда проникли во двор. Цветы персика, которые так пышно цвели в прошлый раз, после ливней в начале лета полностью опали. Двор был вымощен камнем. Передний двор был небольшим, но тропинка, уводившая вглубь, открывала просторное пространство. В центре находился главный зал для жертвоприношений, где обычно должно было стоять изваяние божества.

Они оставили Шуй Цюэ на страже у входа. Все уже вошли в главный зал, но Аттикус вдруг вернулся. Он выглядел неловко и смотрел в пол.

— Насчёт того случая... я ещё не извинился перед тобой.

— М? — Шуй Цюэ удивился.

С тех пор как он вlepил ему пощёчину, он старался избегать Аттикуса. В основном потому, что после ссоры ему было неловко, да и Аттикус всё равно его недолюбливал.

Аттикус специально вернулся, чтобы поговорить с ним наедине.

— Я признаю, что в тот раз наговорил лишнего и довёл тебя до слёз. Я был неправ.

Он извинялся, как школьник, который дёрнул одноклассницу за косичку и довёл её до слёз.

Шуй Цюэ плотно сжал губы и медленно произнёс:

— Я злопамятный.

— То, что ты извинился, не значит, что я должен тебя простить.

Он полуопустил веки, не желая продолжать разговор.

— Иди внутрь.

[Ох, ты мой малыш]

[Злопамятный, злопамятный, злопамятный, целую, целую, целую]

[Какой ещё злопамятный, малыш, ты просто ангел, разговаривать с ними — это уже оказывать им честь]

Все ушли внутрь. Шуй Цюэ остался один на страже. Он устал стоять и хотел было присесть на корточки, но нащупал рядом каменную тумбу и уселся на неё отдохнуть.

Вдруг снаружи кто-то пнул камень, и он вкатился во двор. Раздалось несколько голосов.

— Кто пойдёт в храм молиться днём...

— В прошлые годы старый жрец никогда не заставлял нас возвращаться и охранять храм. Почему именно в нашу смену мы должны патрулировать?

— Какой ещё «молодёжный совет городка», просто бесплатная рабочая сила. Мы, наверное, даже на матч по цуцзюй не успеем.

Несколько парней с недовольными возгласами шли по тропинке к храму.

[Прогресс сюжета: Поддерживать образ обузы, раскрыть местоположение товарищей.
(Ожидаемый прогресс после завершения: 58% → 65%)]

Шуй Цюэ моргнул и решил просто сидеть и ждать. Через несколько секунд перед ним возникли тёмные силуэты.

— Ты... Шуй Цюэ? — неуверенно спросил А-Чунь, стоявший во главе группы. Его уши мгновенно покраснели.

Остальные парни только слышали о нём, но никогда не видели вживую. Они на мгновение замерли.

Надо же... А-Чунь совсем не преувеличивал. Неужели бывают люди с такой белой кожей и такими красными губами, красивые, как феи?

Шуй Цюэ немного нервничал.

— Да, ты меня знаешь?

— Я одноклассник Юань Юя, — представился А-Чунь, смущённо почесав затылок. — Посторонним нельзя входить в храм. Почему ты здесь... Ты не пошёл посмотреть танец льва?

Шуй Цюэ, окружённый высокими, крепкими старшеклассниками, чувствовал себя редким экспонатом. Снаружи были видны только их смуглые спины, а его белоснежная фигура была полностью скрыта.

Окружённый со всех сторон, Шуй Цюэ занервничал и, сам того не желая, выдал себя:

— Я не тайком пробрался в храм. И я не стою на страже для других.

Он сказал это так явно. Но парни, казалось, совершенно его не поняли.

— А, о-о.

— Тогда мы зададим тебе несколько вопросов.

Один из парней с короткой стрижкой присел на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Каким парфюмом ты пользуешься?

Почему от парня может так приятно пахнуть? И губы такие красные, он что, помадой пользуется?

— А? — переспросил Шуй Цюэ.

<http://bllate.org/book/15811/1436768>